

Сквозь холодный свет

Измайлов Даниил

Измайлов Даниил
Сквозь холодный свет

«Автор»

2026

Даниил И.

Сквозь холодный свет / И. Даниил — «Автор», 2026

Россия, 2059 год. Мир победившего соларпанка. Чистый воздух, зелёные мегаполисы, возобновляемая энергия и общество, которое наконец решило климатический кризис. Страна получила почти невозможную оценку — 99,7 балла из ста. Но частный детектив Виктор Норд знает: идеальные системы скрывают самые опасные секреты. Когда к нему обращается женщина, чей муж-климатолог бесследно исчез, расследование кажется обычным. Однако одна зацепка приводит к другой, и вскоре Норд обнаруживает след, ведущий к тайне, которую не должен узнать никто. Потому что иногда судьба целого мира держится на лжи. Правда существует. Норд её найдёт. Лучше бы не находил.

© Даниил И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девяносто девять и семь	5
Глава 2. Вторая чашка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Измайлов Даниил

Сквозь холодный свет

Глава 1. Девяносто девять и семь

Москва. 14 марта 2059 года. 06:47.

Норд проснулся за три минуты до будильника. Как всегда.

Он лежал на спине и смотрел в потолок ровно столько, сколько требовалось, чтобы система окончательно перешла в рабочий режим. Сорок семь секунд. Он не считал — просто знал. Когда-то, очень давно, он проверял это по часам: ставил секундомер на тумбочку и фиксировал интервал между пробуждением и моментом, когда мысли переставали быть обрывками и выстраивались в очередь. Интервал оказался стабильным. С тех пор Норд принимал его как техническую характеристику — вроде времени загрузки старого компьютера — и не пытался сократить.

За окном было ещё серо. Мартовский рассвет в Москве наступал поздно и неохотно, и стекло — фотохромное, самозатемняющееся, поставленное при последней реновации здания — держало комнату в ровном полумраке. Где-то внизу, на уровне второго этажа, гудела насосная станция вертикального сада: вода поднималась по капиллярным трубкам к корням плюща, оплетавшего фасад. Гул был тихий, ритмичный, почти неотличимый от тишины. Норд знал его наизусть. По изменению тона он мог определить, что у насоса начал изнашиваться подшипник, недели за три до того, как это замечала обслуживающая компания.

Однажды он так и сделал — написал в управляющую компанию, что насос северного контура выйдет из строя в течение месяца. Ему вежливо ответили, что система мониторинга неисправностей не фиксирует и беспокоиться не о чем. Через двадцать шесть дней насос встал, плющ на северной стене начал желтеть сверху вниз, и приехавшая бригада три дня меняла узел, который можно было заменить за два часа по плану. Норд не стал напоминать о письме. Он не нуждался в том, чтобы быть правым вслух, — ему было достаточно вести счёт про себя. Счёт был стариковской привычкой, он это понимал. Ему было сорок семь, и некоторые привычки пришли к нему раньше срока.

Будильник сработал. Норд выключил его движением, которое не требовало взгляда, и встал.

Офис занимал три комнаты на четвёртом этаже здания, которое когда-то было административным корпусом страховой компании. Страховая съехала в тридцатых, когда район перекраивали под жилую застройку нового типа, и дом несколько лет стоял полупустым — слишком старый, чтобы быть престижным, слишком крепкий, чтобы его сносить. Потом пришла программа «органической интеграции в городскую среду», и фасад снаружи оплели вертикальные сады — живые стены из плюща и ползучей жимолости, перемежённые панелями биолюминесцентного мха. Мох ночью светился слабым зеленоватым светом и официально числился элементом аварийного освещения. Фактически он был украшением, как почти всё в этом городе, что числилось функцией.

Норд жил здесь же, в дальней комнате за рабочим кабинетом. Четыре шага от постели до рабочего стола. Он давно перестал считать это неудобством — а если быть точным, никогда и не начинал. Расстояние между сном и работой было для него величиной скорее символической, и он предпочитал, чтобы она была минимальной. Квартира у него тоже была — однокомнатная, в Марьиной Роще, доставшаяся после размена родительской. Он бывал там несколько раз в год: проверял, что краны не текут, что соседи сверху никого не затопили, поливал каучу-

ковый фикус, который отказывался умирать при любом режиме полива. Квартира была активом, фикус — обязательством. Жизнь не было ни то, ни другое.

Умывшись, он налил воды из настольного фильтра — не из-под крана, не из кофемашины — и сел к экрану.

Кофе он не пил. Не из принципа: просто однажды, лет пятнадцать назад, заметил, что кофе сдвигает темп мышления — делает его быстрее и грязнее, как двигатель на плохом топливе. С тех пор — вода. Городской водопровод считался эталонным, очистные станции на Москве-реке дважды получали международные премии, и вода из-под крана по всем показателям не отличалась от фильтрованной. Норд всё равно пользовался фильтром. Он не доверял показателям, которые никогда не меняются.

Система приветствовала его привычным интерфейсом: тёмный фон, минимум цвета, никаких уведомлений, которые он не запрашивал. Он сам настраивал всё это семь лет назад и с тех пор не менял. Большинство людей жило в среде, которая сама решала, что им показывать: лента подстраивалась под настроение, интерфейс — под биоритмы, новости — под профиль интересов, составленный так давно и так точно, что человек уже не мог сказать, где кончаются его интересы и начинается профиль. Норд считал это профессиональной уязвимостью — для всех, не только для детективов. Среда, которая знает, что ты хочешь увидеть, рано или поздно начинает показывать тебе именно это. А того, чего ты видеть не хочешь, не покажет никогда — из вежливости.

Первым делом — как каждое утро — он открывал не новости, не агрегаторы, не сводки. Он открывал первичные данные.

Это была привычка ещё со времён службы. Сводка — чей-то пересказ. Пересказ — это всегда выбор: что включить, что опустить, в каком порядке поставить. Человек, который читает только сводки, читает чужие решения. Первичные данные тоже можно испортить, но для этого нужно больше усилий, и следы остаются глубже.

Доступ к первичному контуру экологического мониторинга был открытым — это считалось одним из достижений эпохи: каждый гражданин в любой момент мог посмотреть показания любой станции наблюдения. На практике этим правом пользовались полтора десятка энтузиастов, несколько университетских кафедр и Норд. Открытость, как он давно заметил, лучше всего работает там, где никто не смотрит. Это не было цинизмом. Это было наблюдением.

Сегодня данные выглядели образцово.

Индекс качества воздуха по Москве: 98,4 — «отличный». Концентрация взвешенных частиц — на уровне горных курортов прошлого века. Содержание CO₂ в атмосфере городской зоны: минус 12% к показателям прошлого месяца — городские поглотители работали в пиковом режиме, фотобиореакторы вдоль Третьего кольца вышли на проектную мощность. Температурное отклонение от сезонной нормы: плюс 0,3°C — «в пределах допустимого». Уровень воды в Москве-реке — норма. Индекс шумового загрязнения — норма. Общий экологический рейтинг города по методологии ООН-Восток: 99,7 из 100.

Лучший показатель за всю историю наблюдений.

Вечером эту цифру покажут на медиафасадах вдоль набережных. Город любил свои рекорды и отмечал их сдержанно, со вкусом: никакого салюта, просто число в окружении зелёных проекций, как табель отличника на стене у аккуратных родителей.

Норд читал цифры без выражения. Его лицо в отражении тёмного экрана в паузе загрузки выглядело так же, как всегда: закрытое, аккуратно выбритое, без попытки что-либо изобразить.

Он задержался на температурной строке чуть дольше остальных. Плюс ноль три. Месяц назад было плюс ноль четыре. Полгода назад — плюс ноль три. Отклонение колебалось в пределах одной десятой градуса так давно, что перестало быть отклонением и стало константой. Климат города вёл себя как ученик, который пишет все контрольные ровно на девяносто девять баллов — никогда на сто, чтобы не вызывать вопросов, и никогда на девяносто пять, чтобы

не портить статистику. Норд отметил эту мысль и отложил её. У него не было для неё применения. Пока.

У него был файл — без названия, в личной папке, куда не заглядывал никто, включая резервное копирование. Десять лет, каждое утро, он вносил туда четыре числа: индекс воздуха, CO₂, температурное отклонение, общий рейтинг. Зачем — он не смог бы объяснить даже себе; вероятно, это была та же привычка, что и счёт за насосную станцию: вести собственную бухгалтерию мира, независимую от чужих итогов. Иногда, раз в несколько месяцев, он строил по файлу график. График был красивый. Слишком красивый: плавная линия с микроскопическими колебаниями, без выбросов, без провалов, без той неопрятной зубчатости, которой отличается всё живое — кардиограмма, биржа, погода его детства. Десять лет назад линия ещё дышала. Году к пятидесятому она выровнялась окончательно — как почерк человека, который начал писать под диктовку. Норд смотрел на этот график так же, как на возвращающийся след от стакана: отмечал и не делал выводов. Для выводов нужна гипотеза, а гипотезы у него не было. Была только полка, на которой это лежало.

За окном светало.

Он не смотрел в окно.

* * *

Москва 2059 года любила себя.

Это чувствовалось во всём — в архитектуре новых кварталов, где стекло и переработанный бетон органично уступали место террасным садам и солнечным панелям, встроенным прямо в несущие конструкции. Панели больше не выглядели техникой: их делали под фактуру камня, дерева, керамики, и южные фасады новых домов переливались на солнце глубоким матовым блеском, как чешуя спокойного животного. В том, как над Садовым кольцом тянулись зелёные мосты — пешеходные переходы, покрытые газонами и цветущими кустарниками, с грунтом метровой глубины, в котором приживались даже яблони. Весной мосты цвели, и люди специально выходили на них без дела — постоять. В рекламных проекциях, которые предпочитали натуральные тона и образы леса городскому неону: даже банки рекламировали себя через мох и воду.

Сорок лет назад этот город задыхался в пробках и смоге. Норд помнил это смутно — детской памятью: запах выхлопа на Ленинградке, серый налёт на подоконнике, отца, который протирал машину тряпкой каждое утро. Машина была старая, бензиновая, отец любил её стыдной, оправдывающейся любовью — уже было понятно, куда всё идёт, уже соседи поглядывали косо, а он всё откладывал. Продал в тридцать четвёртом, когда въезд в пределы МКАД для двигателей внутреннего сгорания сделали платным настолько, что это перестало называться платой и стало называться запретом. Вернулся тогда с пустыми руками, сел на кухне и долго молчал. Норду было пятнадцать. Он запомнил не грусть — грусть он бы забыл, — а то, как отец на следующее утро вышел во двор по привычке, с тряпкой, и стоял перед пустым парковочным местом. Привычка пережила машину на полгода.

Потом всё стало меняться — сначала медленно, со скрипом, через запреты и квоты, потом быстрее, потом стремительно. Двигатели внутреннего сгорания ушли из города за одно десятилетие. Парковки превратились в сады и фермы. ТЭЦ перевели на геотермальные контуры и водород, серверные фермы начали отапливать жилые кварталы, мусоросжигательные заводы умерли за ненужностью — городской цикл переработки замкнулся на девяносто шесть процентов, и это число тоже висело иногда на медиафасадах.

Эпоху той перестройки теперь называли Зелёным переломом — с большой буквы, как называют войны и революции. О ней снимали сериалы, ей посвящали музейные кварталы; в бывшем цехе ЗИЛа стоял настоящий бензиновый внедорожник две тысячи двадцатого года, и дети выстраивались в очередь, чтобы посидеть в нём и понюхать, как пахнет старый мир. Пахло пылью и музейным консервантом. Экскурсоводы рассказывали, что человечество одумалось

вовремя: остановилось на краю, собралось с силами и повернуло. Это была хорошая история. Стройная. С моралью.

Норд был на той экскурсии однажды — лет пять назад, по делу: следил за человеком, который назначал встречи в музейных кварталах, полагая, что там не бывает камер. Камеры там были. Пока объект ждал связного у внедорожника, Норд слушал экскурсовода. Девушка рассказывала хорошо, искренне, с выученной теплотой. В какой-то момент мальчик из группы спросил: а если бы не одумались, что было бы? Девушка улыбнулась и сказала: но мы же одумались. Мальчик не отставал: а если бы нет? Девушка повторила, чуть твёрже: но мы одумались. Группа пошла дальше. Норд запомнил этот обмен дословно — не потому что придал ему значение, а потому что запоминал дословно всё. Значение пришло позже. На двадцать лет позже, если считать от того марта.

Город дышал. Над Строгинской поймой кружили коршуны. В Москве-реке снова водилась стерлядь — её выпускали торжественно, с трансляцией, и теперь рыболовные дроны экологической службы пересчитывали её поголовье дважды в год. Школьников водили на экскурсии в питомники городских пчёл. Урбанисты со всего мира прилетали смотреть, как устроены московские дождевые сады, и писали восторженные отчёты.

Даже погода была вежливой. Дожди в городе шли по ночам — так выходило само собой, объясняли популярные метеорологи, особенности городского острова тепла и розы ветров. Прогнозы сбывались с точностью, которую старшее поколение помнило только у расписания метро. Люди привыкли. К хорошему привыкают быстро и навсегда; способность удивляться хорошему — первое, что атрофируется у благополучного человека.

Город вкладывал в себя много сил. Город очень хотел выглядеть живым.

Норд думал об этом иногда — без иронии, просто фиксировал как факт. Между «быть» и «выглядеть» существовал зазор, и величина этого зазора была его профессиональной темой уже много лет. Люди, компании, города — все хотели выглядеть. Некоторым это удавалось настолько хорошо, что вопрос «а что там на самом деле» переставал приходиться в голову даже им самим.

Разрыв между первичными данными и репортажными сводками он отслеживал давно — сначала как профессиональную привычку, потом как способ структурировать утро. Цифры и нарративы расходились незначительно, в пределах, которые легко объяснялись методологией подсчёта, выбором временных окон, разницей между городской зоной и пригородами. Ничего тревожного. Просто привычка смотреть на источник.

Он открыл папку с текущими делами. Их было три.

Первое: поиск пропавшего бухгалтера из логистической компании. Скучно. Бухгалтер нашёлся ещё позавчера — в Калуге, у женщины, о существовании которой не знала его жена, зато знал банк, выдавший ему кредитную карту с доставкой по новому адресу. Норд вычислил его за четыре дня, не выходя из офиса. Клиент ещё не перезвонил. Закрывать сегодня.

Второе: корпоративная утечка в среднем звене фармацевтической структуры. Почти готово. Кто-то сливал конкурентам данные о клинических испытаниях, и руководство подзревало троих. Все трое оказались ни при чём — утечка шла через подрядчика, обслуживавшего систему видеоконференций, банально и некрасиво. Осталось подтвердить один маршрут движения данных — и можно составлять отчёт.

Третье: ничего. Пустая строка. Норд держал её намеренно — место для следующего дела, которого пока не было.

Он допил воду. Поставил стакан точно на то же место, где он стоял, — на едва заметный круг, оставшийся на столешнице за годы. Уборочный робот дважды в неделю полировал стол и каждый раз стирал этот след почти полностью. Почти. Норду нравилось, что след возвращался.

В 07:15 пришло сообщение от Логинова — клиента по делу с бухгалтером. Короткое: «нашёлся. спасибо. счёт оплате сегодня». Без знаков препинания в начале предложений, без

эмоций. Логинов был транспортником старой школы и относился к словам как к грузам: лишних не возил. Норд ценил таких клиентов. Они не требовали отчёта о переживаниях — только о результатах, и разница между этими двумя жанрами была для Норда разницей между работой и обслуживанием. Он закрыл папку. Дел стало два.

В 08:40 он закончил с фармацевтической утечкой. Источник подтверждён, маршрут восстановлен, отчёт готов к отправке. Он перечитал его один раз — не из сомнений: так было принято. У него. Больше это правило никто не контролировал. В отчёте была одна фраза, которую он переписал трижды: о том, что подрядчика рекомендовал на тендере человек, который теперь возглавлял службу безопасности заказчика. Факт был установлен, но недоказуем в части умысла, и Норд сформулировал его так, чтобы клиент увидел связь сам и сам решил, что с ней делать. Выводы за клиента он не делал. Выводы, сделанные за человека, тот либо отвергает, либо принимает не глядя — и то и другое обесценивает работу.

Отправил. Дел не осталось.

Норд встал из-за стола, прошёл к окну и первый раз за утро посмотрел наружу.

Город жил. По пешеходным мостам тянулись люди в светлой одежде — модный в этом сезоне «природный» стиль, бежевые и зелёные тона, ткани из грибного волокна и переработанной целлюлозы. Внизу бесшумно скользили электробусы с солнечными крышами; на остановке двое подростков кормили голубей чем-то из бумажного пакета, и голуби были упитанные, наглые, городские — этот вид пережил все экологические революции без малейших усилий. На ближайшем фасаде — плющ, подсвеченный снизу тёплым светодиодным контуром, хотя солнце уже взошло. Украшение. Не функция.

На балконе дома напротив, этажом ниже его окна, цвела петуния — в марте, в открытом ящике, лиловым безудержным цветом. Хозяйка балкона, пожилая женщина в синем халате, выходила к ней по утрам и что-то поправляла в ящике — Норд никогда не слышал, говорит ли она с цветами, но по движению губ подозревал, что говорит. Петуния в марте была невозможна ещё лет двадцать назад. Теперь — обычное дело: зимы стали мягкими, ровными, бесснежными в центре города. Все находили это удобным. Норд тоже находил это удобным. Слово «удобный» вообще было главным словом эпохи — оно вытеснило слова «правильный» и «настоящий» почти из всех контекстов, где они когда-то жили.

Всё выглядело правильно.

Он смотрел на это примерно двадцать секунд, потом вернулся к столу.

* * *

Профессия частного детектива в 2059 году считалась анахронизмом — об этом Норду сообщали регулярно, чаще всего люди, которые через неделю приносили ему дела, не решаемые никаким другим способом.

Логика скептиков была понятна. Общество прозрачно. Каждая транзакция оставляет след, каждое перемещение фиксируется транспортной системой, каждый человек существует в десятках реестров одновременно. Зачем детектив там, где есть данные?

Ответ Норд знал давно, но никогда не произносил вслух, потому что он плохо продавался: данные лгут чаще людей. Человек, когда лжёт, нервничает, путается, оставляет зазоры. Данные лгут спокойно, системно и без зазоров — потому что лжёт не цифра, а тот, кто решает, какую цифру записать. Чем прозрачнее общество, тем больше доверия к записям. Чем больше доверия к записям, тем дороже стоит возможность их подправить — и тем меньше людей способно заметить правку.

Норд был из этих немногих. Двенадцать лет в Следственном комитете, специализация — экономические и информационные преступления, репутация человека, который не умеет останавливаться на удобной версии. Потом — уход, о причинах которого он не говорил ни с кем и который в его личном деле значился стандартной формулой «по собственному желанию».

Формула была технически верной. Как многие технически верные формулы, она не описывала ничего.

Было дело, которое он закрыл правильно — по всем инструкциям, по всем согласованиям, с визой руководства на каждом листе. Фамилия фигуранта была Сёмин. Больше об этом деле Норд не думал словами. Он думал о нём иначе — как думают о старом переломе, который не болит, но точно сообщает о перемене погоды. Перемену погоды этот перелом сообщал ему каждый раз, когда кто-то произносил при нём слова «так было нужно».

Восемь лет частной практики научили его тому, чему не могла научить служба: в образцовом городе спрос на его работу не падал, а рос. Чем чище становились улицы, тем тщательнее прятали грязь. Чем выше поднимались рейтинги, тем больше людей приходило к нему с историями, которые официально не существовали: исчезнувшие компаньоны, переписанные задним числом договоры, цифровые следы, обрывающиеся на полушаге. Была женщина, у которой умер отец, а через год кто-то продлил его читательский билет. Был владелец маленькой сыроварни, чьи поставки трижды заворачивали по санитарным показателям, которых не находила ни одна независимая лаборатория. Был программист, обнаруживший, что его уволенного коллегу не помнит ни один человек в компании, кроме него самого, — и кадровая система тоже не помнит. Все эти истории объединяло одно: где-то в записях кто-то потрогал реальность пальцем. Норд находил отпечаток.

Город с рейтингом 99,7 из 100 был его лучшим работодателем. В этом была ирония, которую Норд фиксировал, но не развивал.

* * *

В 09:12 позвонили.

Незнакомый номер — зарегистрирован на физическое лицо, московская прописка, никакой корпоративной привязки. Система показала это автоматически, в нижней строке экрана, прежде чем Норд успел поднести руку. Он отметил время — привычка фиксировать всё, что выбивается из расписания, — и принял вызов.

— Виктор Андреевич? — Женский голос. Молодой. Ровный, но не привычно ровный — скорее выровненный усилием, как простыня, которую натянули слишком сильно. — Мне сказали, что вы занимаетесь делами, которые... которые официально не существуют.

— Кто сказал?

— Леонид Брик. Два года назад вы помогли его компании с утечкой.

Норд помнил. Брик был аккуратным клиентом — платил точно, не задавал лишних вопросов, потом исчез из поля зрения, как все нормальные клиенты. Дело было средней сложности: внутренний саботаж, замаскированный под внешнюю атаку. Брик тогда сказал на прощание: «Если кому-то понадобится человек, который видит то, чего нет в отчётах, — я дам ваш номер». Норд кивнул и забыл. Брик, видимо, нет.

— Что случилось?

Пауза. Не долгая — секунды три. Достаточно, чтобы понять: она репетировала этот разговор. Возможно, не один раз. Фразы выходили слишком целыми для человека, который произносит их впервые.

— Мой муж пропал. Три недели назад. Официально — добровольная смена места жительства. Он климатолог, работал в государственной аналитической группе. Я знаю, что это не добровольно.

— Откуда знаете?

— Потому что за неделю до исчезновения он сжёг все свои рабочие архивы. Все. Дома. Сам. И сказал мне, что если с ним что-то случится — я не должна ничего искать.

Норд молчал. Это был не риторический приём — он просто давал информации улечься. Слова «сжёг архивы» в 2059 году значили больше, чем полвека назад: бумаги почти ни у кого

не осталось, и человек, который держал рабочие материалы в физическом виде, уже сделал когда-то осознанный выбор. А человек, который их сжёг, сделал второй.

— Что именно он изучал последние полгода? — спросил он наконец. — Не тема в целом. Конкретно.

Снова пауза. Чуть длиннее.

— Он изучал расхождения. Между официальной климатической статистикой и независимыми замерами. Говорил, что цифры не сходятся — но не мог понять, почему.

Норд посмотрел на экран. На открытую вкладку с утренними данными.

99,7 из 100.

— Приходите сегодня, — сказал он. — В семнадцать ноль-ноль.

Она начала диктовать свой номер — он остановил её: номер уже определился. Она замолчала на полуслове, потом сказала «спасибо» и отключилась первой. Норд положил телефон на стол и некоторое время смотрел на него.

Климатолог. Государственная аналитическая группа. Сожжённые архивы. «Не ищи меня».

И расхождения в данных, которые человек с профильным образованием и служебным допуском не смог объяснить.

По отдельности каждый элемент имел безобидное объяснение. Климатологи уезжают в экспедиции. Архивы сжигают при разводах и депрессиях. «Не ищи меня» говорят люди, уходящие из семьи. Расхождения в данных мерещатся переутомлённым аналитикам. Норд знал цену каждому из этих объяснений и знал главное правило своей профессии: безобидные объяснения не нуждаются в том, чтобы их давали заранее. А этот человек дал жене инструкцию заранее — значит, знал, что объяснение понадобится.

Он открыл рабочий файл и вписал в пустую третью строку одно слово: «17:00».

* * *

До полудня он занимался тем, что в рабочем файле значилось как «фон»: проверял хвосты старых дел, ответил на два письма, продлил лицензию на доступ к реестрам. Потом надел куртку и вышел — за едой и, отчасти, чтобы подумать на ходу. Думать на ходу он умел лучше, чем за столом: город задавал ритм, а ритм упорядочивал переменные.

Март стоял мягкий, выглаженный. Воздух был чистый до неощутимости — воздух, который не пахнет ничем, даже весной. Где-то в детстве март пах талым снегом, мокрым асфальтом и почему-то железом. Теперь снега в центре не было, асфальта почти не было — пористые покрытия, дренажные плитки, газонные решётки, — и март не пах. Об этом не писали в отчётах по качеству воздуха. Отсутствие запаха не является загрязнением.

Обедал он обычно в одном из трёх мест в пределах квартала, по ротации, которую сам не до конца понимал. Сегодня выпала столовая при районной ферме — бывший паркинг на шестьсот машино-мест, переоборудованный под многоярусные гидропонные стеллажи. Снаружи здание выглядело как стеклянный улей: за прозрачными панелями ровными рядами зеленели салаты, до самого верхнего, седьмого яруса, и между рядами медленно ползали сервисные манипуляторы, похожие на больших аккуратных насекомых. Внизу была столовая — простая, шумная в обед, с меню из того, что созрело наверху.

Норд взял суп и тарелку с овощами, сел у окна.

За соседним столом обедала экскурсия — школьники лет десяти с учительницей. Учительница рассказывала про замкнутый цикл: вода идёт по кругу, питательный раствор обновляется, отходы перерабатываются в компост для городских клумб, ничего не исчезает и ничего не появляется из ниоткуда. Девочка с косичками спросила: а где же тогда земля? Учительница сказала: земля отдыхает. Мы так долго брали у неё, что теперь она отдыхает, а мы научились справляться сами.

Дети покивали. Ответ им понравился. Он был красивый.

У стойки выдачи Норд оказался рядом с агрономом фермы — немолодым человеком в зелёном комбинезоне, которого здесь знали все и который обедал, не снимая перчаток из нагрудного кармана. Они изредка обменивались парой слов, в пределах столовского этикета. Сегодня агроном был доволен: третий ярус дал урожай на неделю раньше плана.

— Свет нынче хороший, — сказал он, кивая куда-то вверх, сквозь семь ярусов салата, в сторону неба. — Ровный. Раньше, бывало, март дёргается: то даст, то заберёт. А теперь как по графику. Расти — одно удовольствие.

— По графику, — повторил Норд.

— Ну а как же. — Агроном забрал свой поднос. — Порядок в небе — порядок на грядке.

Он ушёл к своему столу, довольный собственной формулой. Норд доел суп, вернул посуду в окно переработки и вышел. Фраза «свет ровный» полежала у него в голове несколько секунд и отправилась туда же, куда утренняя мысль о температурной константе, — на полку, где хранились наблюдения без применения. Полка была длинная. Кое-что лежало на ней годами, прежде чем пригодиться. Кое-что не пригождалось никогда. Норд не выбрасывал ничего.

Обратно он пошёл длинным путём — через дождевой сад во дворе бывшей типографии. Сад был устроен в низине: туда стекала вода с окрестных крыш, проходила через каскад из камней и осоки и уходила в грунт чистой. В марте сад стоял бурый и голый, но работал — было слышно, как под решётками идёт вода. На табличке у входа значилось, что сад очищает до четырёхсот тысяч литров в год и служит домом для семнадцати видов насекомых. Табличку недавно обновляли: цифры свежие, краска яркая.

Семнадцать видов, подумал Норд. Кто-то их считал. Кто-то выезжал сюда, ставил ловушки, определял, записывал. Где-то лежали первичные данные этого подсчёта — со всеми ошибками, повторами и пометками на полях. А на табличке осталось только число, гладкое, как камень из этого ручья.

Между данными и табличкой всегда есть человек. Это он знал по профессии.

У выхода из сада, на складном стуле, сидела пожилая женщина с биноклем и что-то писала. Норд видел её здесь не первый раз — она появлялась в саду в любую погоду, с термосом и блокнотом, и её знали, кажется, все местные собаки. Сегодня, проходя мимо, он замедлил шаг — не намеренно, само получилось, — и она, поймав его взгляд, сказала, как продолжила давно начатый разговор:

— Лазоревки прилетели. На четыре дня раньше прошлого года.

— Вы записываете? — спросил Норд, кивнув на блокнот. Блокнот был бумажный, разлинованный от руки, с колонками дат.

— Тридцать первый год записываю. — Она сказала это без гордости, как сообщают стаж. — В приложении тоже отмечаю, там общая база, всё для науки. Но в приложении прошлогоднюю запись уже не найдёшь как было — у них обновления, пересчёты, то одно поменяют, то другое. А тетрадка — вот она. Что в марте сорок девятого было, то и написано.

— Расходится? — спросил Норд. — Тетрадка с приложением.

Женщина посмотрела на него внимательнее — определяя, из вежливости спрощено или всерьёз. Решила, что всерьёз.

— По мелочи, — сказала она. — Я думаю, у них алгоритм сглаживает. Выбросы убирает. Учёным так удобнее, наверное. — Она пожалала плечами и вернулась к блокноту. — А мне мои выбросы дороги. Птица не обязана прилетать по алгоритму.

Норд пожелал ей хорошего дня и пошёл дальше. Мысль, оставшаяся от разговора, была несерьёзной по размеру и неудобной по форме: в образцовом городе с лучшей в мире системой мониторинга самым надёжным климатическим архивом квартала владела пенсионерка со складным стулом. Он положил эту мысль на длинную полку, к свету агронома и температурной

константе. Полка за сегодняшнее утро пополнялась подозрительно быстро — а ведь дело ещё даже не началось.

В офис он вернулся в 13:40. Первым делом — прежде чем готовиться к разговору — он позвонил Брику.

Это было правилом, не недоверием: клиент, который приходит по рекомендации, проверяется через рекомендателя. Брик ответил на третьем гудке, узнал его сразу и не удивился — Брик вообще не тратил ресурсов на удивление.

— Звонила? — спросил он вместо приветствия.

— Сегодня утром. Откуда вы её знаете?

— Жена двоюродного брата моего финансового директора. Просили — кого-то, кто умеет молчать и не боится реестров. Я подумал про вас. — Пауза. — Скажу одно, Виктор Андреевич. Я эту семью видел дважды, на днях рождения. Муж — классический научный сотрудник: тихий, дотошный, рассказывал мне полчаса про альбедо, я не понял ничего, но запомнил, что человек любит своё дело. Такие не уходят из семьи через сожжение архивов. Такие уходят со скандалом и таблицей раздела имущества в экселе.

— Это оценка или данные?

— Это оценка, — сказал Брик ровно. — Данные — ваша работа. Я только дал номер.

— Кому ещё она звонила, не знаете?

— Знаю, что в полицию — дважды, и дважды получила отказ в возбуждении: «добровольный характер перемещения подтверждён». Формулировку запомнил, потому что она её повторяла как диагноз. — Брик помолчал. — Виктор Андреевич, я в чужие дела не лезу. Но если человек с государственным допуском исчезает «добровольно», а у его жены отказ подписан в течение суток — это либо очень простая история, либо очень непростая. Средних вариантов у такой скорости не бывает.

Норд согласился — молча, для себя — и поблагодарил. Скорость отказа была фактом, и факт лёг в файл первым: до пяти вечера в деле, которого ещё не существовало, появилась первая запись.

До вечера он готовился к разговору: поднял открытые данные о Комитете экологического мониторинга, структуру аналитического управления, публичный список станций наблюдения. Станций по стране значилось четыре тысячи двести, из них автоматических — почти все; живых наблюдателей система мониторинга почти не держала, людей заменили сенсоры, сенсоры калибровались дистанционно, калибровочные протоколы утверждались ведомством. Норд прошёл по цепочке до места, где открытые данные заканчивались и начинались служебные. Граница была проведена аккуратно, даже изящно: всё, что до неё, выглядело исчерпывающим. Ничего необычного в открытом контуре не было. Это тоже было информацией: системы, в которых что-то не так, обычно безупречны именно в открытом контуре.

Город за окном жил своей образцовой жизнью — бесшумной, зелёной, отлаженной, как хороший механизм, который очень не хочет, чтобы его называли механизмом.

В 16:40 Норд убрал со стола всё лишнее, поставил второй стул напротив и сел ждать.

Идеальные показатели бывают у двух типов систем: у тех, что идеально работают, и у тех, что идеально отчитываются. Снаружи они неотличимы. Разница обнаруживается только изнутри — и, как правило, дорого обходится тому, кто её обнаружил.

За окном начинало темнеть. На фасаде напротив просыпался биолюминесцентный мох — слабое зелёное свечение, красивое и бесполезное. На балконе внизу темнел ящик с петунией: хозяйка унесла бы её в дом, если бы ночью обещали холод, но холода не обещали. Холода теперь не обещали никогда. Город зажигал свои живые огни, и где-то на набережных медиа-фасады уже показывали число 99,7 — спокойно, со вкусом, без салюта.

Норд ждал.

— *конец главы первой* —

Глава 2. Вторая чашка

Глава вторая. Вторая чашка

Москва. 14 марта 2059 года. 17:00.

Она пришла ровно в пять.

Это Норд заметил первым — не лицо, не одежду, а точность. Большинство людей опаздывали на несколько минут или приходили чуть раньше и нервничали в коридоре; датчик на лестничной двери исправно сообщал ему о таких за полминуты до стука. Она вошла в дверь в 17:00:04 по настенным часам — то есть, по сути, минута в минуту. Либо очень дисциплинированный человек, либо человек, которому важно было произвести правильное впечатление. Он пока не знал, какое из двух.

На самом деле он знал чуть больше, чем показывал. В 16:51 он видел её из окна: женщина в светлом пальто перешла улицу по зелёному мосту, остановилась у входа в здание и осталась стоять — не доставая телефона, не разглядывая фасад, просто стоя, как стоят в очереди, которой нет. Девять минут. Она простояла их неподвижно, глядя перед собой, и вошла в подъезд ровно тогда, когда требовалось, чтобы подняться на четвёртый этаж к назначенному часу. Это говорило о ней больше, чем сама точность: человек, у которого внутри всё дрожит, держит себя расписанием. Расписание — последний поручень, за который хватаются аккуратные люди, когда остальные поручни уже оторвало.

Ей было около тридцати. Светлое пальто, тёмные волосы убраны назад — аккуратно, не нарочито. Лицо усталое, но не заплаканное. Это тоже деталь: три недели с момента исчезновения мужа — и она уже не плачет. Либо перешла в другую фазу, либо плачет не при людях. Последнее вероятнее: косметика под глазами была наложена тщательнее, чем требуется женщине, которой нечего скрывать.

— Садитесь, — сказал Норд.

Она села. Огляделась коротко — не из любопытства, скорее рефлекторно, как осматриваются в незнакомом месте люди, привыкшие за последние недели оценивать каждое помещение на предмет того, можно ли здесь говорить. Три комнаты офиса из коридора не видны, она видела только эту — рабочую. Стол, два стула, полка с физическими носителями данных вдоль стены, узкое окно с видом на зелёный мост через улицу. Никаких растений, никаких личных предметов, никаких дипломов в рамках. Норд наблюдал за тем, как она это обрабатывает. Большинство клиентов от пустоты кабинета слегка терялись: они ожидали либо казённого уюта, либо нуарной театральности из старых фильмов. Она не потерялась. Кажется, пустота её устроила — как устраивает чистый лист человека, которому нужно изложить что-то сложное.

— Меня зовут Ирина Волкова, — сказала она. — Мой муж — Дмитрий Волков. Климатолог, аналитическая группа при Комитете экологического мониторинга. Исчез двадцать второго февраля.

— Вы уже говорили по телефону. — Норд открыл чистый рабочий файл. — Теперь подробнее. С самого начала.

— С какого начала?

— С того момента, когда вы впервые почувствовали, что что-то не так. Не с исчезновения — раньше.

Она помолчала. Потом кивнула — не ему, себе. Так кивают люди, которые поняли: вопрос правильный, и отвечать на него придётся честно, в том числе перед собой.

— Примерно с октября прошлого года. Он стал работать дольше. Это само по себе не странно — у него бывали периоды, когда проект захватывал. Дима из тех людей, которые могут забыть поесть, если в данных что-то интересное. Но в этот раз было иначе. Он перестал рассказывать, над чем работает. Раньше всегда рассказывал — не технически, просто... делился. За

ужином, на прогулках. Он умел говорить о своих моделях так, что даже мне было интересно, а я гуманитарий. А тут замолчал.

— Он объяснял почему?

— Говорил — служебная необходимость. Режим конфиденциальности по новому проекту. Я не давила. У них это бывало: допуски, подписки, внутренние регламенты. Комитет — государственная структура, там полтора этажа одних только согласований.

— Как вы познакомились?

Она моргнула — вопрос выпадал из её отрепетированного сценария. Именно поэтому Норд его и задал: ему нужна была не справка о муже, а живой человек, и живые люди появляются в разговоре только там, где кончается подготовленный текст.

— В редакции. Я работала в научно-популярном журнале, мы заказывали ему комментарий про городскую климат. Все эксперты присылали три абзаца канцелярита, а он прислал страницу — простую, ясную, с одним лишним отступлением про то, как в детстве измерял температуру воды в речке под Костромой и записывал в тетрадку. Я позвонила сказать, что отступление мы вырежем. Проговорили час. Отступление я в итоге оставила, а главный редактор сказал, что это лучший комментарий номера. — Она едва заметно улыбнулась, первый раз за разговор. — Дима потом шутил, что его жизнь решила тетрадка с температурой воды.

— Тетрадка сохранилась?

— Где-то у его матери, наверное. А что?

— Привычка к физическим носителям, — сказал Норд. — Она у него с детства. Это полезно понимать.

Она посмотрела на него внимательно — кажется, впервые подумав, что человек напротив видит в её рассказе не то же самое, что видела она.

— Расскажите про его работу. Не про проект — про то, как она была устроена. Что он делал каждый день.

— Он аналитик первичных данных. Сеть мониторинга — это тысячи станций: метеорологические, атмосферные, гидрологические, биосенсоры в зелёных зонах. Всё, что вы видите на городских экранах — индексы, рейтинги, проценты, — собирается из этих станций. Но между станцией и экраном данные проходят обработку: калибровка, очистка от шумов, агрегация. Большинство аналитиков работает уже с обработанным. Дима работал с сырым. Он говорил, что обработка — это интерпретация, а он хочет видеть то, что было до интерпретации.

— Это была его официальная функция?

— Да. Контроль качества первичных рядов. Он сам выбрал это направление много лет назад. Его считали... — она поискала слово, — занудой. В хорошем смысле. Человек, который двадцать раз перепроверит, прежде чем подписать. Его за это ценили.

Норд записывал. Картина складывалась в важную деталь: Волков не был случайным человеком, наткнувшимся на чужой секрет. Он был профессиональным искателем расхождений, сидевшим в той единственной точке системы, где расхождение вообще можно увидеть, — между сырыми данными и обработанными.

— Сколько ему лет?

— Сорок два. В апреле будет сорок три. — Она осеклась на будущем времени, но не стала поправляться. Норд отметил и это: она запрещала себе прошедшее время. Пока человек «будет» — он есть.

— Что изменилось в феврале?

Она сцепила руки на коленях. Не нервно — собранно.

— Восьмого февраля он попросил меня уехать на неделю к родителям. Сказал, что занят и ему нужно сосредоточиться. Такого не было никогда — он любил, когда я дома, даже если работал ночами. Я уехала. Звонила каждый вечер; он отвечал коротко и как будто слушал не

меня, а что-то за моей спиной. Вернулась через девять дней — он сказал, что всё в порядке, но выглядел... другим. Как человек, который принял какое-то решение и теперь несёт его.

— О чём вы говорили в те вечера? По телефону.

— Ни о чём. О погоде. — Она усмехнулась без улыбки. — Это смешно, да? Жена климатолога говорит с мужем о погоде, потому что больше он ни о чём говорить не может. Я рассказывала про родителей, про то, что мама затеяла перестилать полы. Он слушал. Один раз спросил — какое у вас там небо. Не «какая погода» — «какое небо». Я сказала: серое, февраль. Он сказал: посмотри подольше. И замолчал. Я тогда решила, что он просто устал.

Норд записал и это. Дословно.

— А архивы?

— Четырнадцатого февраля. Я была дома — он не стал дожидаться, пока я уйду, и теперь я думаю, что это было намеренно. Он хотел, чтобы я видела. Он взял все рабочие накопители — пять или шесть, я не считала, — вынес на балкон и сжёг в металлическом ведре. Молча. Методично. Он даже перчатки надел — не от огня, по-моему, а просто потому что во всём любил порядок. Я спросила, что он делает. Он сказал: «Чищу лишнее». Я больше не спрашивала.

— Почему?

Вопрос был жёстче предыдущих, и она это почувствовала. Несколько секунд молчала.

— Потому что испугалась, — сказала она наконец. — Не за него. Его. Я двенадцать лет замужем за этим человеком и в тот вечер впервые его испугалась. Не потому что он был страшным. Потому что он был как хирург во время операции. Понимаете? Человек, который делает необратимое и не может позволить себе дрогнуть.

Норд понимал. Лучше, чем она могла предположить.

— Пепел?

— Что — пепел?

— Куда он его дел.

Она посмотрела на Норда так, словно он спросил о чём-то неприличном. Потом — медленно — поняла, что вопрос рабочий.

— Вынес сам. На следующее утро, в переработку органики. Я видела в окно. Он постоял у контейнера, как будто... — она поискала слово, — как будто проверял, что всё. Что ничего не осталось.

Человек, который проверяет, что ничего не осталось, думал Норд, уже знает, что кто-то будет искать. От пепла не остаётся данных. От привычки проверять — остаются.

— А потом он сказал вам, что если что-то случится — не искать.

— Двадцатого. За два дня до исчезновения. — Голос ровный. — Мы ужинали. Он вдруг отложил вилку и сказал — дословно: «Ира, если я пропаду — не ищи меня. Так будет правильно». Я спросила — что значит «пропаду». Он сказал, что не знает. И ушёл спать. — Пауза. — Он не спал в ту ночь. Я слышала, как он ходил по кухне. Я лежала и говорила себе, что утром мы поговорим нормально. Утром он улыбался и варил кашу. Я решила, что приступ миновал. Что это переутомление.

Она сказала это без надрыва, и оттого фраза прозвучала тяжелее, чем если бы она заплакала.

Норд записывал. Не всё — только узловые точки. Хронология выстраивалась аккуратно: октябрь — замкнулся, февраль — ускорился, восьмое — удалил жену из дома на девять дней, четырнадцатое — уничтожил данные, двадцатое — предупредил, двадцать второе — исчез.

Девять дней в одиночестве в феврале выпадали из ряда. Зачем человеку, который уничтожит свои архивы через неделю, девять дней без свидетелей? Ответ напрашивался: чтобы успеть что-то сделать. Скопировать. Спрятать. Передать. Сжигают то, что уже не нужно — или то, существование чего надо скрыть. Возможно, и то и другое.

Он отметил вопрос в отдельном столбце и не стал озвучивать.

— Официальная версия: добровольная смена места жительства, — сказал он. — На чём она основана?

— Заявление. Подписанное его именем, поданное онлайн двадцать второго февраля в 11:34. Комитет закрыл его дело в тот же день. Быстро.

— Насколько быстро это бывает обычно?

— Я узнавала. Кадровые процедуры в Комитете занимают от недели. Увольнение сотрудника с допуском — до месяца: передача дел, аннулирование доступов, обходной лист. Димино дело закрыли за четыре часа. Когда я спросила об этом в кадровой службе, женщина в окне посмотрела куда-то в свой экран и сказала, что «процедура была проведена в особом порядке». Я спросила, что это за порядок. Она сказала, что не уполномочена.

— Вы видели заявление?

— Копию. По запросу. Мне дали через четыре дня.

— Подпись?

Она достала планшет, открыла файл и развернула к нему экран. Норд посмотрел. Электронная подпись — сертификат корректный, метка времени совпадает, криптографически всё чисто. Именно это и было примечательно. Подделать живую подпись сложно. Подделать электронную — невозможно... если не контролируешь инфраструктуру, которая её выдаёт. Чистая подпись означала одно из двух: либо Волков подписал сам — добровольно или нет, — либо у тех, кто оформлял его исчезновение, был доступ такого уровня, на котором слово «подделка» теряет смысл.

Он смотрел ещё секунд пять, потом откинулся на спинку стула.

— Где он работал физически? Офис, лаборатория?

— Офис на Ленинградском проспекте. Аналитический центр Комитета, третий этаж. Здание старое, ещё доперестроечное, его надстроили оранжерейным этажом и обвили садами, как всё на Ленинградке, но внутри обычная контора. Я была там дважды — на праздниках для семей.

— Доступ к полевым данным у него был?

— Да. Прямой, со станций, до обработки. Это была его специализация — я уже говорила.

Он предпочитал исходники.

— Машина, транспортная карта, медицинский браслет?

— Машины у нас нет — в городе она не нужна. Транспортный профиль... — она невесело усмехнулась, — я проверяла. Двадцать второго февраля в 8:02 он вошёл в метро на «Соколе», в 8:31 вышел на «Аэропорту». Это его обычный маршрут до работы. Больше записей нет. Человек вошёл в здание Комитета и перестал существовать. Браслет он не носил — не любил, когда что-то меряет его пульс.

— Камеры у здания?

— Полиция сказала, что проверила. Сказала: «зафиксирован выход из здания в 19:14, передвижение в сторону остановки наземного транспорта». Запись мне не показали. Я просила. Не положено.

Норд отметил: 19:14. Заявление подано в 11:34, а из здания человек вышел вечером. Восемь часов между подписью об уходе и уходом. Это могло значить всё что угодно. Это могло не значить ничего. Он записал.

— Что именно он изучал последние полгода? — спросил он. — Не направление в целом. Конкретная тема.

— Он не говорил.

— Но вы слышали что-то. Случайно. Обрывок разговора, название файла на экране, что-то.

Она думала. По-настоящему думала — не изображала усилие, а перебирала. Норд не торопил. Память устроена слоями, и под слоем «ничего не знаю» почти всегда лежит слой «не придала значения».

— Один раз, в ноябре, я принесла ему чай. Он не свернул экран — не успел. Там был график. Два ряда линий — одни красные, другие синие. Я не понимаю в климатологии, но даже мне было видно, что они расходятся. Сильно. Не пересекаются, не путаются — просто идут рядом, а потом расходятся, как ножницы. Он заметил, что я смотрю, и закрыл окно. — Пауза. — Потом сказал: «Это рабочее». Больше ничего.

— Подписи осей, заголовок, даты — что-нибудь?

— Нет. То есть... — Она прикрыла глаза, восстанавливая картинку. — Внизу были годы. Я не помню цифр. Помню, что линии расходились ближе к правому краю. К настоящему времени, наверное.

Норд смотрел на неё.

— Ещё что-нибудь?

— Фамилия. Один раз, по телефону, я слышала — он говорил с кем-то из другой комнаты и произнёс: «Астахова права». Не «была права» — «права». Я не знаю, кто это. Я тогда подумала — коллега.

— Когда это было?

— В декабре. Может, в начале января.

Норд не показал, что это имя ему что-то говорит. Потому что оно ничего не говорило — пока. Но он запомнил. Настоящее время глагола он тоже запомнил: о коллегах, чьи статьи цитируют, говорят «была права». «Права» говорят о живых участниках живого спора.

* * *

Они проговорили ещё сорок минут. Норд задавал вопросы — точные, короткие, без вступлений. Она отвечала так же: без лишнего, без попыток объяснить то, чего не знала. Это упрощало работу. Дважды она сказала «не знаю» там, где другой человек начал бы строить догадки, и оба раза Норд мысленно поставил ей плюс: свидетель, который умеет не знать, ценнее свидетеля, который умеет рассказывать.

Он спросил про деньги — зарплата приходила на счёт Волкова каждый месяц, день в день, и оставалась нетронутой: ни одной операции за три недели. Человек, который жив и просто уехал, что-то покупает. Хоть что-то. Хоть воду. Спросил про родственников, про долги, про конфликты, про женщин — методично закрывая стандартные версии, не потому что верил в них, а потому что незакрытая стандартная версия имеет свойство возвращаться в самый неудобный момент. Она отвечала терпеливо. На вопросе про женщин не оскорбилась — лишь качнула головой: «Я думала об этом. Нет. Не потому что я уверена в нём, а потому что человек, который уходит к женщине, не сжигает рабочие архивы».

Это был хороший аргумент. Норд принял его.

— Расскажите про декабрь, — попросил он. — Между октябрём, когда он замолчал, и февралём, когда начал действовать. Что-нибудь менялось?

Она подумала.

— Он начал гулять. Один, по воскресеньям, часа по три — в Тимирязевский, всегда одним маршрутом. Раньше мы гуляли вместе, а тут он стал уходить сам, и я не напрашивалась — видела, что ему это зачем-то нужно. Возвращался спокойнее, чем уходил. — Пауза. — И ещё одно. Я однажды встала ночью, часа в три, — он сидел на кухне с бумажным блокнотом. Не с планшетом — с блокнотом, ручкой. Писал столбики. Я спросила, что он делает. Он сказал: «Проверяю арифметику». И улыбнулся так... виновато. Как будто я застала его за чем-то стыдным.

— Блокнот сохранился?

— Нет. Я искала. Думаю, он сжёг его вместе с архивами. — Она посмотрела на Норда. — Это ведь странно, да? У него на работе вычислительные мощности целого Комитета. А он ночью, на кухне, столбиком.

— Нет, — сказал Норд. — Не странно.

Он не стал объяснять. Человек, который перепроверяет машинные расчёты ручкой на бумаге, не сошёл с ума — он перестал доверять машине. Не арифметике её, а тому, кто имеет к ней доступ. Столбики на кухне в три часа ночи были не чудачеством — это была последняя форма независимой экспертизы, доступная аналитику, который понял, что внутри системы не осталось поверхности, на которую можно опереться. Бумага не подключена к сети. Бумагу нельзя отредактировать снаружи. Норд записал: «декабрь — ручные расчёты, блокнот уничтожен» — и почувствовал, как контур дела сдвинулся ещё на градус: Волков не просто нашёл расхождение. Волков проверил его так, чтобы исключить даже возможность того, что расхождение ему подсунули.

— Фотография у вас с собой? Свежая.

Она открыла планшет и повернула экран. Снимок был сделан осенью — Норд определил по свету и по куртке: парк, жёлтая листва на заднем плане, мужчина смотрит чуть мимо камеры, потому что в момент съёмки говорил. Худощавый, очки в тонкой оправе, зальсины, которые он не пытался скрывать. Лицо немолодое и негромкое — из тех лиц, которые не запоминаются с первого раза и которые потом, при втором взгляде, оказываются точнее красивых. Норд изучал снимок дольше, чем требовалось для опознания. Его интересовало не сходство — выражение. Человек на фотографии слушал собеседника так, как слушают данные: целиком, не готовя ответ заранее. В октябре он уже знал. Снимок был сделан в октябре — Ирина подтвердила: двенадцатое, прогулка в Тимирязевском. Человек, который уже месяц жил с чужой тайной, смотрел в камеру спокойно. Это говорило о выдержке. Или о том, что в октябре тайна ещё была для него рабочей задачей — интересной, не страшной. Граница, за которой задача стала страшной, лежала где-то между этим снимком и восьмым февраля, и Норд хотел бы знать, где именно.

— Перешлите мне, — сказал он. — И ещё: посмотрите дома, что из его вещей отсутствует. Одежда, обувь, сумка, документы. Любая мелочь.

— Я посмотрела. — Она ответила сразу: вопрос для неё был не новым. — Ничего. Всё на месте. Зимняя куртка, в которой он ушёл на работу, — единственное, чего нет, и она на записи метро. Рюкзак его дома. Паспорт дома. Очки запасные дома. Даже зарядка от рабочего планшета — дома. — Она помолчала. — Полиция сказала: при добровольной смене места жительства человек вправе не брать вещей. Я спросила: а очки? Он без очков читать не может. Мне ответили, что острота зрения не является предметом проверки.

Норд записал. Формула полиции была шедевром жанра — технически безупречная и не означающая ничего. Человек, который уходит сам, может не взять чемодан. Но человек, который собирается жить дальше, берёт то, без чего не может читать. Если, конечно, там, куда он ушёл, ему вообще понадобится читать. Или у него спросят, что ему понадобится.

Под конец, когда деловая часть закончилась и она уже собиралась с силами, чтобы встать, он спросил:

— Как вы живёте эти три недели?

Вопрос не имел следственной ценности, и Норд знал это. Он задал его по другой причине: ему нужно было понять, сколько в этой женщине осталось ресурса. Дело обещало быть долгим, а клиенты, у которых кончается ресурс, начинают делать опасные вещи — ходить по инстанциям, давать интервью, искать сами.

Она ответила не сразу.

— Нормально. Работаю. Сплю. — Она посмотрела на свои руки. — Знаете, что самое глупое? Чашки. Я утром завариваю чай и достаю две чашки. Каждое утро. Двенадцать лет

привычки — рука сама берёт вторую. Я её ставлю обратно, а на следующее утро достаю снова. Неделю назад я решила убрать его чашку подальше, на верхнюю полку, чтобы рука не дотягивалась. Убрала. Постояла. Достала обратно. — Она подняла взгляд. — Пусть стоит. Это единственное, что я могу для него сейчас делать — доставать вторую чашку. Теперь вот вы.

Норд ничего не ответил. В его рабочем файле этой реплике не нашлось места — ни в хронологии, ни в столбце вопросов. Он запомнил её в другое хранилище, у которого не было структуры и названия и из которого ничего никогда не удалялось.

К концу разговора у него было следующее: хронология событий, список коллег мужа, которых она знала по именам, — четыре фамилии, две с именами, — название аналитической группы, адрес офиса, копия официального заявления, временные метки транспортной системы и одна фамилия, которую жена климатолога слышала по телефону и которая, возможно, ничего не значила.

А также: человек, который профессионально искал расхождения в первичных климатических данных, нашёл расхождение, девять дней работал с ним в одиночестве, уничтожил все свои архивы — и исчез внутри здания государственного комитета, оставив после себя безупречную электронную подпись.

Это складывалось. Не в полную картину — пока только в контур. Но контур был.

— Сколько это стоит? — спросила она, когда он замолчал.

Он назвал сумму. Стандартную — не повышенную, хотя дело выглядело нестандартно. Нестандартность была его проблемой, не её.

Она кивнула, не торгуясь.

— Вы думаете, он жив? — спросила она. Без дрожи в голосе. Как человек, который уже задал себе этот вопрос достаточно раз, чтобы произносить его ровно.

Норд посмотрел на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Это первое, что мне нужно выяснить.

Это была правда. Не утешение и не профессиональная уклончивость — просто факт. Она, похоже, это поняла, потому что не стала переспрашивать. За три недели ей много раз говорили успокаивающие вещи — он видел это по тому, как она напряглась перед его ответом и как отпустило её лицо после. Людей, которых долго кормили утешениями, честное «не знаю» кормит лучше.

Она встала, застегнула пальто. У двери задержалась.

— Дмитрий говорил: самое опасное в работе с данными — это когда все цифры слишком правильные. — Она произнесла это тихо, почти себе. — Я тогда не понимала, что он имел в виду. Думала — профессиональное кокетство. Аналитики любят такие афоризмы.

— А теперь?

Она посмотрела в окно — на зелёный мост, по которому шли люди в светлой одежде, на фасады в плюще, тронутые вечерним солнцем.

— А теперь я каждое утро вижу на экране, что мой город — лучший в мире. Девяносто девять и семь. И каждое утро думаю: Дима смотрел на эту же цифру. И что-то в ней увидел. — Она перевела взгляд на Норда. — Найдите, что.

Норд ничего не сказал. Она ушла. Он слышал, как её шаги простучали по лестнице — ровно, не сбиваясь, до самого низа. Потом, в окно, видел, как она пересекла улицу и пошла к зелёному мосту — прямой, выверенной походкой человека, который знает: если сбиться с шага, можно не собрать себя обратно.

* * *

Он сидел в тишине минуты три.

Потом налил воды, вернулся за стол, открыл новый рабочий файл и начал строить первичную схему. Это был его всегдашний метод, не менявшийся годами: имена — в узлы, даты — в хронологию, вопросы — отдельным столбцом, каждый с пометкой «проверяемо» или «пока

нет». Схема на этом этапе всегда выглядела жалко — несколько кружков и стрелок, которые мог бы нарисовать школьник. Норд не доверял красивым схемам на ранних этапах. Красота схемы — признак того, что её автор уже решил, какой должна быть правда, и теперь подгоняет факты.

Проверяемых вопросов было мало. Но один из них был центральным.

Волков работал с первичными климатическими данными. Он нашёл расхождение — то самое, которое жена видела на его экране в ноябре. Красные линии и синие расходились. Как ножницы. Ближе к правому краю — к настоящему.

Официальная статистика давала городу 99,7 из 100.

Норд открыл новую вкладку и набрал запрос: «Астахова климатология».

Первые результаты были старые — статьи 2017–2028 годов, несколько международных конференций, докторская диссертация по долгосрочным моделям деградации экосистем. Он пролистал аннотации. Сухой, жёсткий язык; модели, предсказывающие нелинейные сценарии разрушения экосистем; полемика с оппонентами, которые называли её прогнозы «избыточно пессимистичными». Судя по тону ответных статей, оппонентов она не щадила. Последняя работа датировалась две тысячи двадцать восьмым: «Пределы компенсации в управляемых экосистемах». Норд открыл аннотацию. Три фразы из неё он перечитал дважды: «Управляемая система сохраняет внешние параметры дольше, чем внутреннюю устойчивость. Наблюдатель, оценивающий систему по внешним параметрам, фиксирует стабильность вплоть до момента обрушения. Этим свойством управляемые системы отличаются от живых». Дальше шла математика, в которой он не понимал ничего, — и не нужно было: три фразы исчерпывали предмет.

Потом — тишина. После 2028 года публикаций не было. Ни статей, ни конференций, ни некролога.

Учёные такого уровня не замолкают. Они либо публикуются, либо умирают, либо уходят туда, где публикации не предусмотрены.

Он отметил это и закрыл вкладку.

Человек, который работал с первичными данными, исчез три недели назад. Человек, чьё имя он произносил в телефонных разговорах — в настоящем времени, — перестал публиковаться тридцать лет назад.

Между этими двумя фактами лежало расстояние в тридцать лет и одна фраза: «Астахова права».

Права — в чём?

Норд внёс вопрос в столбец, поставил пометку «пока нет» и посмотрел на экран. Схема состояла из шести узлов, четырёх дат и одной пунктирной линии, уходившей за край видимой области — туда, где пока не было ничего, кроме интуиции, а интуиции Норд позволял ровно одну функцию: подсказывать, куда смотреть. Не что видеть.

Он проверил четыре фамилии коллег, которые назвала Ирина. Открытые реестры дали стандартные результаты: все четверо числились в штате Комитета, у двоих находились профили на профессиональных площадках — конференции, соавторство, ничего живого. Люди на месте. Люди работают. В этом тоже не было ничего необычного — кроме того, что ни один из четверых, судя по открытым данным, не заметил исчезновения коллеги, с которым проработал годы. Ни вопроса на внутреннем форуме Комитета, ни упоминания, ни прощального слова. Сотрудник с двадцатилетним стажем растворился — и поверхность сомкнулась над ним без кругов, как смыкается над камнем очень густая, очень спокойная вода.

Норд знал этот эффект. У него было собственное название для него — «тишина по периметру». Когда человек уходит сам, вокруг его ухода остаётся шум: сплетни, догадки, неловкие разговоры у кофейного автомата. Когда человека убирают — вокруг остаётся тишина, и она тем ровнее, чем выше уровень того, кто убирал. Тишина вокруг Волкова была безупречной. По ней одной уже можно было судить об уровне.

Прежде чем закрыть рабочий файл, он сделал ещё одну вещь — не по плану, по интуиции: нашёл тот самый комментарий двенадцатилетней давности, с которого началась их семья. Журнал давно закрылся, но архив висел в открытом доступе. Страница текста про городской климат — и отступление, которое не вырезали: мальчик на речке под Костромой, градусник на верёвочке, тетрадка в клетку. Волков писал просто, без кокетства, и заканчивал отступление фразой, которую Норд перечитал дважды: «С тех пор я знаю про данные главное: цифра не бывает честной или лживой. Честным или лживым бывает человек, который её записывает. Поэтому записывайте сами всё, что можете записать сами». Двенадцать лет назад человек сформулировал принцип — а этой зимой сел ночью на кухне со столбиками, выполняя его буквально. Люди меняются меньше, чем принято думать, отметил Норд. Особенно те, кого жизнь решила тетрадкой с температурой воды.

В девятом часу пришло письмо от Ирины: фотография и, без напоминания, копия полицейского отказа — обоих отказов, первого и повторного. Норд прочитал их подряд. Первый был подписан через девятнадцать часов после заявления — дознавателем районного отдела, фамилия читалась, формулировки стандартные. Второй, по её жалобе, — через сутки, уже уровнем выше, и в нём была одна нестандартная деталь: фраза «факт добровольного перемещения подтверждён компетентным органом по месту работы гражданина». Норд перечитал её трижды. Полиция не проверяла версию — полиция ссылалась на подтверждение, полученное от Комитета. Работодатель удостоверил исчезновение собственного сотрудника, и для системы этого оказалось достаточно. Круг был маленький и аккуратный: Комитет сообщает, что человек ушёл сам; полиция верит Комитету; жена остаётся снаружи круга с двумя чашками и копией заявления. Норд вынес фразу про компетентный орган в столбец вопросов и поставил пометку «проверяемо» — первую за вечер с твёрдым знаком.

В десятом часу он разогрел ужин, съел его за рабочим столом — нарушение, которое позволял себе в первые дни новых дел, — и составил план на завтра. План был короткий: транспортная система, камеры на Ленинградском, периметр здания Комитета. Начинать следовало с самого скучного — с проверки официальной версии. Не потому, что он в неё верил: опровергнутая официальная версия была инструментом. Пока она стоит, все вопросы разбираются о ней. Когда она падает, у того, кто её выстроил, появляется забота — а у Норда появляются наблюдаемые следы этой заботы.

Перед сном он вышел на лестницу и спустился во двор — пять минут, ритуал проветривания головы, оставшийся со времён службы, когда курили все, а он выходил со всеми и не курил. Двор был пуст. БиOLUMИнесцентный мох светился вдоль дорожек слабыми зелёными жилами. Высоко над крышами, в разрыве между облаками, стояли звёзды — редкие, промытые, по-мартовски острые. Норд посмотрел на них дольше обычного.

«Какое у вас там небо. Посмотри подольше».

Он не знал, почему из всего сегодняшнего разговора на ночь с ним осталась именно эта фраза. Он положил её на длинную полку — к температурной константе, к ровному свету агронома — и пошёл спать.

За окном стемнело окончательно. Зелёный мост подсвечивался снизу мягким янтарным светом, и на нём, несмотря на поздний час, всё ещё стояли люди — просто стояли, глядя на город, который был лучшим в мире и знал об этом.

Где-то на «Соколе», в квартире с балконом, на котором месяц назад горело металлическое ведро, женщина ставила на сушилку вторую чашку.

Дел снова стало одно.

— *конец главы второй* —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.